

Проблема внедрения в российское законодательство понятия публичного должностного лица из Конвенции ООН против коррупции

Научный руководитель – Швердяев Станислав Николаевич

Машанов Григорий Владимирович

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет права, Кафедра конституционного и административного права, Москва, Россия

E-mail: mashanovg@gmail.com

Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (Конвенция) [1] содержит в себе понятийный аппарат, который, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции России [2], является составной частью российской правовой системы. И во многом этот аппарат внедрен в российское законодательство, применяется на практике (введены институты декларирования доходов, урегулирования конфликта интересов, международной кооперации в розыске и возврате похищенных коррупционерами активов и т.п.). Но есть понятие, которое в российском праве никак не отражено, и более того, нет тенденций к его нормативному или правоприменительному закреплению. Это понятие – “публичное должностное лицо” (ПДЛ).

Понятие ПДЛ содержится в п. а) ст. 2 Конвенции. Его суть можно изложить следующим образом: под ПДЛ понимается любое назначаемое или избираемое лицо в публичном (государственном или муниципальном) органе, а также лицо, которое оказывает любую публичную функцию от имени государства или в его пользу. При этом Конвенция позволяет отнести к понятию ПДЛ дополнительно кого-угодно на усмотрение Государства-участника (кроме понятия ПДЛ в первой главе, об этом специальная сделана оговорка).

Почему же это единое понятие вообще необходимо внедрять? Помимо того, что Конвенция ООН является составной частью российской системы, это, на наш взгляд, необходимо для удобства как законодателей, так и правоприменителей в вопросах противодействия коррупции.

В настоящее время, как было отмечено выше, в российском законодательстве для целей противодействия коррупции такого единого понятия нет. Есть понятие политически значимых лиц (Politically Exposed Persons), но оно используется, скорее, лишь в банковской сфере, касается не только связанных с государством непосредственно лиц и вообще прямого отношения к коррупции не имеет, относясь больше к вопросам противодействия отмыывания доходов и финансирования терроризма (ПОД/ФТ) [3]. И по этой причине, мы видим, что количество субъектов, на которые распространяются различные антикоррупционные запреты и ограничения, в настоящий момент превышает два десятка. При этом единого, нормативно закрепленного списка нет (он получен автором настоящего доклада путем текстуального анализа закона о противодействии коррупции и множество других НПА). И это приводит к несистемному правовому регулированию в области противодействия коррупции. Например, на директоров унитарных предприятий распространены антикоррупционные, по своей сути запреты, требования и ограничения (декларирование доходов, запрет заниматься бизнесом и т.п.) [4], при этом никакого упоминания о данных субъектах в законе о противодействии коррупции не содержится. Существуют и другие негативные примеры фрагментарности понятийного аппарата

Что же необходимо сделать для исправления ситуации? На наш взгляд, обратиться к позитивной зарубежной практики. Хорошим примером является законодательство Молдавии, а именно, Закон Республики Молдовы “О неподкупности” [5], который содержит в себе четкий круг субъектов, на которые распространяются различные антикоррупционные

требования, запреты и ограничения, которые должны образовывать институциональную среду неподкупности публичных должностных лиц.

На наш взгляд, следует внимательно изучить положительный опыт Молдавии и других стран в этой области, и внедрить в российское законодательство единое понятие публичного должностного лица для целей законодательства о противодействии коррупции для завершения построения системного антикоррупционного понятийного аппарата.

Доклад излагается одновременно с презентацией, которая содержит в себе иллюстративные примеры изложенных в докладе проблем и иную вспомогательную информацию. Литература не используется, поскольку работа представляет собой оригинальное исследование источников с опором на профессиональный опыт автора в области противодействия коррупции.

Источники и литература

- 1 Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.)
- 2 Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.)
- 3 Федеральный закон от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ "О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма"
- 4 Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ "О противодействии коррупции"
- 5 Закон Республики Молдова от 25 мая 2017 года №82 "О неподкупности"